

Глава 24. Подземный дворец. Часть V

Ладонь Бэй Чэня была широкой и грубой, покрытой жесткими мозолями. Чэнь Гэ почувствовал, как к лицу прилила кровь — это смущение казалось ему нелепым и необъяснимым. Внезапно земля ушла из-под ног: Бэй Чэнь подхватил его и, словно мешок, закинул на плечо.

— Кому ты собрался служить погребальной куклой в этой дыре? — раздался его голос. — Отдохнул? Тогда на выход.

Не успел Чэнь Гэ опомниться, как его увлекли в воду. Они нырнули в сторону водостока, а Мэн И и Чжун Цзи тут же последовали за ними.

Вода сомкнулась над головой внезапно. Чэнь Гэ едва успел выдохнуть остатки воздуха, не подозревая, насколько длинным окажется подводный туннель. И хотя на плече Бэй Чэня ему не приходилось тратить силы на движение, от долгой задержки дыхания перед глазами все поплыло, голова закружилась, и он снова оказался на грани обморока.

Бэй Чэнь почувствовал, что парень сдаёт. Несмотря на веру в его необычайную живучесть, он все же замедлил движение и сменил позу, перехватив Чэнь Гэ поудобнее и прижав к груди. Мощно работая ногами, он одной рукой вцепился в волосы юноши, заставил его поднять голову и впился в его губы поцелуем.

Перепуганный Чэнь Гэ выпустил изо рта целую цепочку пузырьков. Его нижняя губа оказалась полностью захвачена ртом Бэй Чэня; он ощутил, как острые клыки царапнули кожу, и в тот же миг в него хлынул поток спасительного кислорода, мгновенно возвращая жизненные силы.

— Ф-фух!

Они одновременно вынырнули на поверхность. Они наконец миновали затопленный туннель и оказались в темном гроте.

Вдалеке брезжил слабый свет, слышался неумолчный гул воды — там низвергался огромный водопад.

Чэнь Гэ с силой оттолкнул Бэй Чэня и, судорожно хватаясь за прибрежные камни, выбрался на сушу.

— Спасибо, конечно! Но что ты... что ты вытворяешь! Ты... да ты! — он никак не мог подобрать слов. Хорошо еще, что в пещере было темно, иначе все увидели бы, как его бледное лицо пылает огнем.

Бэй Чэнь с усмешкой вылез следом. Весь его вид выражал полнейшее самообладание.

— И что же я вытворяю? — невинно поинтересовался он.

— Хватит! — выкрикнул Чэнь Гэ. — Веди себя... веди себя прилично!

Бэй Чэнь стал медленно приближаться, явно забавляясь его реакцией:

— У тебя же всегда было столько вопросов. Почему бы тебе не изучить всё самому?

Чэнь Гэ понимал, что тот просто дразнит его, но при виде этой мощной, высокой фигуры сердце все равно ушло в пятки. Он невольно попятился.

— Знаешь, когда ты был не в себе, ты казался куда милее... Не подходи! Хватит паясничать, а!

Бэй Чэнь рассмеялся:

— Ведешь себя как ребенок. Смотри под ноги, не свались в яму.

Не успел он договорить, как Чэнь Гэ, пятась, наткнулся на что-то, потерял равновесие и повалился навзничь, угодив прямо в чьи-то холодные и твердые объятия. Он замер, боясь даже вздохнуть. Одеревнев, он медленно повернул голову, страшась увидеть за спиной нечто кошмарное.

Однако, обернувшись, он увидел до боли знакомый белый защитный костюм. Сердце Чэнь Гэ подпрыгнуло к самому горлу.

— Брат?.. — пролепетал он.

Человек лежал в густых зарослях лиан, а из-за темноты в пещере разглядеть лицо было невозможно.

Чэнь Гэ дрожащими руками принялся раздвигать стебли. Падая, он отчетливо почувствовал, что тело за его спиной было ледяным, скользким и безжизненным. Очевидно, этот человек провел здесь очень много времени и, скорее всего, был уже мертв. Если бы не этот костюм, Чэнь Гэ ни на секунду не усомнился бы, что перед ним труп.

Но сейчас он отказывался в это верить.

В это мгновение он забыл обо всех высоких принципах. Весь мир и всё человечество, такие далекие и неосязаемые, не значили ничего по сравнению с братом, который его вырастил.

Лианы заполнили все углы пещеры; кроме них, на влажных камнях не росло ни травинки. Чэнь

Гэ лихорадочно рвал стебли, но они лишь еще сильнее запутывались под его пальцами.

Внезапно из темноты донесся едва слышный шорох. Чэнь Гэ замер, и по его щекам мгновенно покатались обжигающие слезы. Он боялся пошевелиться, боялся увидеть правду.

Раздался сухой, надтреснутый мужской голос:

— Чэнь... Гэ...

Это был не брат. Слезы хлынули с новой силой, но Чэнь Гэ заставил себя подавить разочарование. Он должен был действовать. Осторожно, стараясь не причинить боли, он начал освобождать человека.

— Ты... Ли Синлань? — робко спросил он. — Держись, слышишь?

С трудом, спотыкаясь на скользких камнях, он вытащил Ли Синланя на открытое место.

Мэн И и Чжун Цзи тем временем осмотрели выход из пещеры. Снаружи уже стемнело, а водопад, как выяснилось, обрывался с отвесной кручи высотой в несколько тысяч чжанов — ни верха, ни низа не разглядеть. Пришлось вернуться в грот, чтобы развести костер и дожждаться рассвета.

Чжун Цзи уже собирался набрать тех самых лиан для растопки, но Бэй Чэнь резким жестом остановил его. Пришлось карабкаться по выступу у входа и ломать мокрые ветки деревьев, из-за чего пещеру вскоре заполнил едкий дым.

— Если жизнь дорога, не прикасайтесь к этой дряни, — предостерег Бэй Чэнь, кивнув на заросли. — Или помирать наскучило?

Ли Синлань, едва дыша, дотянулся до лианы, сорвал лист и, быстро разжевав, проглотил.

— Мандрагора... — прохрипел он. — Все растение... смертельно ядовито.

Чэнь Гэ с тревогой посмотрел на него, но в полумраке невозможно было разобрать черты лица, даже находясь вплотную.

Ли Синлань покачал головой:

— Чэнь... Гэ, не трогай. Мандрагора — яд, но и... анестетик. Мое тело... в плохом состоянии. Нужно немного... чтобы унять боль.

С этими словами его тело свела жестокая судорога. Он весь напряжился, одной лишь силой воли подавляя агонию.

Чэнь Гэ не знал, чем помочь, и лишь преисполнился к нему глубочайшим уважением. Он устроил голову раненого у себя на коленях и, как когда-то брат успокаивал его самого, принялся осторожно гладить его по лбу.

— Не бойся, — шептал он. — Все будет хорошо.

Слова эти, сказанные скорее для самого себя, принесли ему странное умиротворение.

Ли Синлань лежал с закрытыми глазами, не отвечая. Если бы не слабое, прерывистое дыхание, Чэнь Гэ решил бы, что тот уснул навеки.

По темному своду пещеры рассыпались голубые светящиеся точки — точно такие же, какие Чэнь Гэ видел уже сотни раз. Но в этот раз ему показалось, что огоньки дрожат в радостном танце.

Неужели это душа Ли Синлани?

Он был так слаб. Что же теперь делать? Продолжать путь с такой обузой казалось безумием, но бросить его здесь на верную смерть... Для Чэнь Гэ это было равносильно самоубийству.

Бэй Чэнь тем временем отправился к воде охотиться. Почему-то ловля и жарка рыбы доставляли ему особое удовольствие. Подземная река была полноводной, и рыбы здесь водилось в избытке, правда, из-за вечной тьмы она стала почти прозрачной. Золотистый блеск в глазах Бэй Чэня делал это мрачное, замкнутое пространство еще более жутким.

Одним точным движением он выхватил из потока крупную рыбку и швырнул ее прямо к ногам Чэнь Гэ, после чего тут же вернулся к своему занятию.

Живая рыба отчаянно билась о камни. Бэй Чэнь, не оборачиваясь, лишь шевельнул острым ухом и небрежно бросил:

— Нам еще в Сяньян идти. Как ты собираешься его тащить? Он и так не жилец. Оставь свою бесполезную жалость и помоги ему поскорее отправиться на перерождение.

Чэнь Гэ возмущенно фыркнул:

— Как ты можешь такое говорить? Это не жалость, это человечность. Если бы в этом мире каждый думал только о себе, люди бы давно вымерли. Вы, волки, разве не живете стаями? Только сообща можно выжить в лесу.

Бэй Чэнь рассмеялся, словно услышал нелепую шутку:

— Люди всегда горазды на красивые речи, но стоит делу коснуться их самих, как всё нутро лезет наружу. Вот я, например, умираю с голоду. Почему бы тебе не спасти меня? Принеси себя в жертву и дай мне себя съесть.

Чэнь Гэ на миг растерялся:

— Но ты же еще не настолько голоден.

Бэй Чэнь: —...

Чэнь Гэ хлопнул себя по лбу, сообразив:

— Нет, я хотел сказать... Чтобы съесть меня, тебе придется меня убить. И кто в здравом уме позволит себя сожрать?

— Вот видишь, — хмыкнул Бэй Чэнь. — Ты сам себе противоречишь. Ты готов бросить умирающего с голоду, лишь бы спастись самому.

Чэнь Гэ улыбнулся:

— Ты умрешь от голода, я умру, если меня съедят. Обе смерти стоят друг друга, кто из нас важнее? Для любого существа выживание — закон номер один. В крайнем случае всё решит сила. Я не святой.

Бэй Чэнь окончательно запутался в его логике и решил, что лучше промолчать.

Однако Чэнь Гэ, немного подумав, вдруг спросил:

— Хотя теперь всё иначе. Интересно, что со мной будет, если ты съешь кусок моей плоти? Может, проверим?

Бэй Чэнь понял, что спорить с этим существом бесполезно.

— Ты больной! — отрезал он.

Чэнь Гэ вздохнул:

— От этих мыслей только голова пухнет. На самом деле я просто хочу спасти Ли Синлани, и

больше тут нет никаких причин.

Мэн И, видя, что спор заходит в тупик и может закончиться потасовкой, решил разрядить обстановку:

— Ну, всё же просто! У нас в Цинь за неоказание помощи положена суровая кара, так что Чэнь Гэ поступает по закону. Э-э... а брат Бэй Чэнь тоже по-своему прав, вы ведь оба не из Цинь, ха-ха-ха!

Дипломатично примирил обоих, никого не обидев.

Чжун Цзи, напротив, явно сочувствовал Чэнь Гэ:

— Если люди перестанут любить друг друга, сильные начнут угнетать слабых, богатые — презирать бедных, а хитрецы — обманывать простаков. Мир утонет в ненависти и погибнет.

Мэн И принялся так отчаянно подмигивать ему, что Чжун Цзи предпочел умолкнуть.

Впрочем, Бэй Чэнь и Чэнь Гэ не были злопамятны и вскоре уже сидели рядом. Один чистил рыбу от костей, другой уплетал нежное мясо — полная идиллия.

Наконец костер разгорелся ярче, дым понемногу рассеялся. Несмотря на слабый свет, зрение Чэнь Гэ теперь было феноменальным. Он внимательно всмотрелся в лицо спящего Ли Синляня и ужаснулся тому, через что тому пришлось пройти.

Левая сторона его лица представляла собой сплошное месиво из обожженной плоти — видимо, он пострадал при взрыве корабля. Кожа вокруг левого глаза сгорела полностью, обнажив глазное яблоко; из-за действия мандрагоры зрачок расширился до предела, и казалось, что он смотрит в пустоту даже в забытьи.

Вероятно, его смыло в реку и протащило по камням: на теле виднелись глубокие колотые раны. Видно было, что он пытался обработать их сам, прижигая огнем, но без должной помощи раны либо обуглились, либо начали гноиться.

Должно быть, все эти десять дней он провел здесь, под водопадом. Ему чудом удалось выжить, но питаться приходилось лишь ядовитой травой. В нем почти не осталось жизни.

Глядя на него, Чэнь Гэ внезапно расплакался.

— Это всё из-за меня, — шептал он. — Прости, что втянул вас в это.

Горячая слеза упала на щеку Ли Синланя, и его правое веко дрогнуло.

Он с трудом открыл глаза. Взгляд фокусировался медленно, перед ним всё расплывалось, но он узнал рыдающего Чэнь Гэ.

Его горло было повреждено, голос звучал пугающе хрипло:

— Прости... я тебя... напугал?

Чэнь Гэ поспешно вытер слезы и уставился на этого изувеченного человека с невольным восхищением. Окажись он сам в таком положении, вряд ли захотел бы жить.

— Нет! — всхлипнул он. — Это я виноват. Я вытащу тебя, вылечу. Обещаю!

Ли Синлань попытался улыбнуться, но шрамы на лице стянуло болью, и гримаса вышла устрашающей.

— Я знаю... Ты — не при чем. Это моя... работа. Будь сильным... мужчиной. Как... твой брат.

Тут Чэнь Гэ заметил, что на левой щеке несчастного кожа прогорела насквозь, обнажив зубы.

При виде этого ужасающего зрелища в голове Чэнь Гэ промелькнула жестокая мысль: «Боже, сколько с ним будет хлопот... Может, просто уйти? Никто ведь не узнает. Найду брата, скажу, что не нашел никого. А если найду тело — ну, умер и умер, что брат мне сделает?»

Но это постыдное видение исчезло так же быстро, как и появилось. Ли Синлань был жив и говорил с ним.

Раз он жив, нельзя просто стоять и смотреть на его мучения. Он должен научиться ответственности. Ли Синлань прав: пора становиться мужчиной. Быть как брат.

— Не бойся, я тебя не брошу, — вырвалось у Чэнь Гэ.

Он тут же смутился — его никто не спрашивал, а он уже оправдывался.

— Тогда... спасибо, — Ли Синлань закрыл правый глаз, но левый по-прежнему жутко глядел в темноту. Кажется, от того, что он встретил живых людей, его голос стал чуть чище. — Я боец генерала Цзяня. Нас так просто... не убить. Не волнуйся, мы найдем его.

С этими словами его левый зрачок снова расширился — он забылся сном.

«Надо же какой пронизательный», — подумал Чэнь Гэ. Было чувство, будто Ли Синлань прочитал его тайные мысли.

Чэнь Гэ еще долго всматривался в него. Он вдруг вспомнил, как на корабле этот человек в белом костюме стоял совсем рядом с ним. Был ли он тогда в шлеме? В тот момент Чэнь Гэ был в таком отчаянии, что ничего не замечал и теперь не мог вспомнить его лица.

Тогда Ли Синлань привлек его внимание своей странностью: он крепко сжимал руку Чэнь Гэ, охраняя его, но при этом напевал себе под нос какую-то нескладную мелодию. Он поглядывал по сторонам так, словно знал... точно, тот рыжеволосый иностранец! Ли Синлань как будто ждал его нападения и среагировал в то же мгновение.

Тот рыжий шпион был убит Ли Синланем, но ведь были и другие.

Сколько людей было на корабле на самом деле? Шпионов явно было несколько, и Ли Синлань наверняка это знал.

Сейчас у Чэнь Гэ не было причин не доверять ему. В таком состоянии Ли Синлань меньше всего походил на похитителя черного камня. К тому же он был солдатом Цзянь Юньлана, и не было ни единой улики против него.

Тот, кто казался самым подозрительным, в итоге оказался единственным, кому можно верить. Жизнь действительно порой напоминает плохой роман.

И всё же, несмотря на доверие, Чэнь Гэ в глубине души его побаивался. И дело было не только в изуродованном лице. Было в Ли Синлане что-то еще — нечто странное и необъяснимое.

«Ладно, сейчас он всё равно не опасен», — подумал Чэнь Гэ и, наконец, уснул.

В тишине пещеры левый зрачок Ли Синланя медленно сузился. Он не отрываясь смотрел на спящего Чэнь Гэ до самого рассвета. За всю ночь он ни разу не шевельнулся, и лишь однажды из его груди вырвался тяжелый, почти неслышный вздох.

<http://bllate.org/book/17509/1659177>